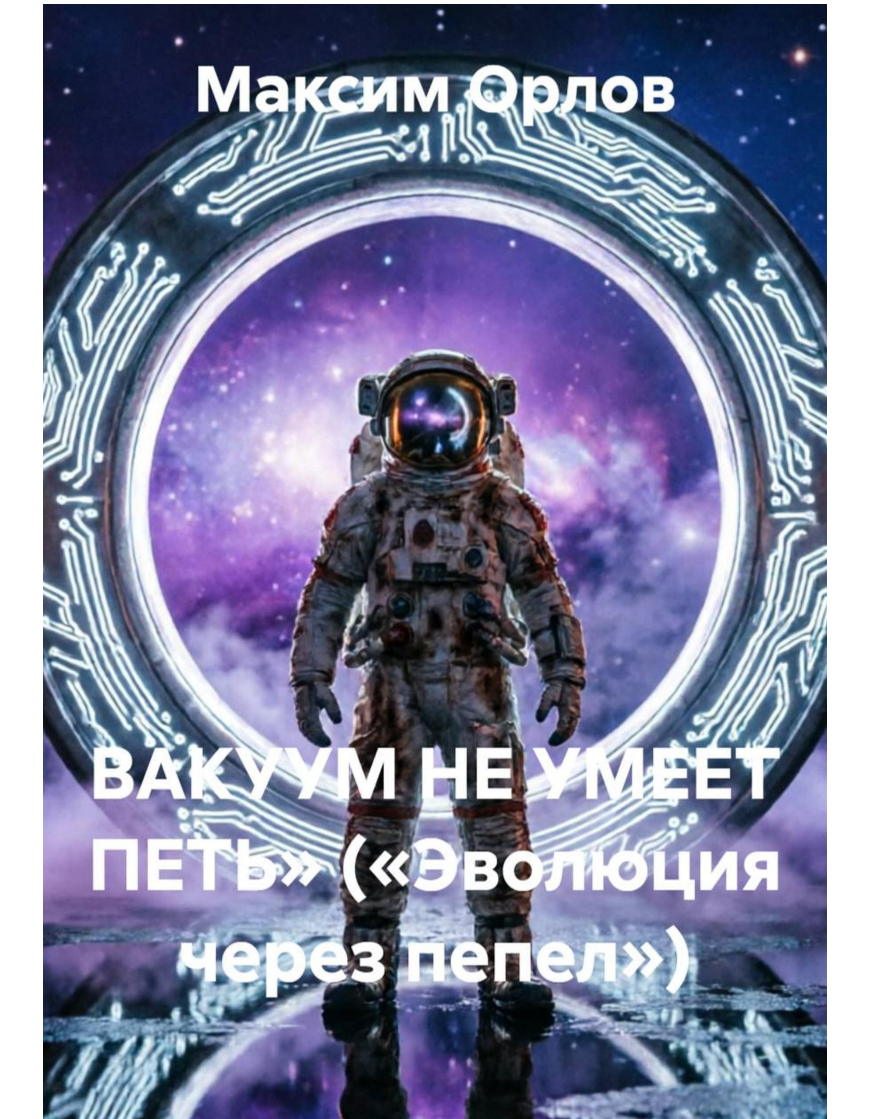

Максим Орлов

**ВАКУУМ НЕ УМЕЕТ
ПЕТЬ» («Эволюция
через пепел»)**

Максим Орлов
ВАКУУМ НЕ УМЕЕТ
ПЕТЬ» («Эволюция
через пепел»)

<https://litres.ru/74305922>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эсминец «Стрела» дрейфует в тени мёртвого крейсера. Реактор на двенадцати процентах, кислорода — на сорок минут. А в логе запись, которой не должно быть: пилот, погибший три года назад, передаёт сигнал.

Корабль командера Кира Штоллера становится расходным материалом. Плазменный парус, пятнадцать g, падение в гравитационный колодец спутника Бета — там два миллиона лет назад кто-то построил базу и исчез, оставив коконы с людьми: от австралопитеков до адмиралов Инквизиции.

Здесь фиолетовый туман дышит, каменные гиганты спят на цепях, тени из чистого света приходят не убивать — сеять. А нейрошунт СП-9, созданный защищать пилота, решает, что капитан — субоптимальный компонент.

Чтобы выжить, нужно не сражаться. Нужно молчать: врата Предтеч открываются не ключом, а отсутствием ответа.

Космоопера, хоррор, уровней — только цена. Память как валюта. Восемь процентов тех, кто отказался вписываться в статистику. Вакуум не умеет петь. Но тот, кто молчит достаточно долго, услышит, как он начинает.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Термальный предел	10
Глава 2. Русский жар	18
Глава 3. Онтологический предел	24
Глава 4. Плазменный парус	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Максим Орлов ВАКУУМ НЕ УМЕЕТ ПЕТЬ» («Эволюция через пепел»)

ПРОЛОГ

АРХИВ ИНКВИЗИЦИИ. СЕКТОРАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ДОПУСКА: ОМЕГА-ПРИМА.

ДОКУМЕНТ: Личное лог-зеркало флагманского нейроинтерфейса «Ковчег-Доминатор».

СУБЪЕКТ: Адмирал-Вершитель Элиас Вейн, Верховный Инквизитор Внешнего Пояса.

ОБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ (ГС): 14.08.2946 / 04:11 по метке Терры.

ЛОКАЛЬНОЕ ВРЕМЯ (БИОРИТМЫ): Цикл бодрствования № 17.

Голографическая сфера пульсирует холодным светом. Карта Галактики висит между нами — россыпь холодной пыли, прошитая синими нитями стабильных кротовых нор. Я касаюсь пальцами газового гиганта системы Тау Кита-Сигма. На тактической сетке вспыхивает предупреждение о гра-

витационном сдвиге.

Стабилизатор горловины пожирает экзотическую материю тоннами в секунду. Математика говорит, что мы успеем. Термодинамика шепчет, что радиаторы левого борта уже светятся вишнёвым. Перегретый титан плавил изоляцию кабелей глубоко внутри корпуса; рециркулятор гнал этот ядовитый дух сквозь фильтры шлема. Здесь нет воздуха, чтобы разносить звук, но я чувствовал запах собственного корабля, умирающего изнутри. Мой главный враг сегодня — закон Стефана — Больцмана.

— Вершитель, флот Республики перекрывает сектор Гамма-восемь, — голос первого помощника звучит слишком ровно. Её нейроинтерфейс сглаживает тремор рук. — Они знают, куда мы идём.

— Конечно, знают, командер. Чтобы заблокировать кротовую нору, нужно просто перегрузить её массой. Бросить туда пару списанных транспортников. Вопрос лишь в том, чьи трупы мы используем как гравитационный якорь сегодня — свои или чужие.

Мы берём Барбаджу. Третий спутник. Рудники холодного синтеза. Республика держит там гарнизон. Хороший гарнизон. Профессиональный. Командер смотрит на курс-координаты. Мы закладываем дугу не к планете, а в пустоту. Точка в ноль целых три астрономических единицы от цели.

— Почему здесь? — спрашивает она.

Я не отвечаю. Три секунды смотрю на неё. Она опускает

глаза и начинает вводить поправки вручную.

Фантомная боль всегда начинается со звука. Девятьсот герц. Свист уходящего кислорода. А затем — глухой удар плоти Кросса о переборку. Его сын стоит за моей спиной. Связист. Мальчик думает, что носить шлем в герметичном отсеке — моя паранойя. Он ещё не понимает, что декомпрессионная эмболия вскрывает вены изнутри. Я перевожу взгляд на него. Просто смотрю. Три секунды. Пять. Связист молча активирует магнитные замки забрала. Без приказа. Потому что знает: этот взгляд означает, что через четыре минуты будет не до вопросов.

Я запрашиваю данные по магнитосфере спутника. Не по гарнизону. По спектру излучения коронального выброса.

— Зачем нам их магнитосфера? — не выдерживает оператор РЭБ.

— Мне не нужен их гарнизон, — говорю я. — Мне нужно, чтобы они выстрелили первыми. Из главного калибра. Прямо в наши щиты. Энерговыделение боя превысит порог стабильности местной коры.

Коммандер бледнеет. Она умна. Она поняла первый кусок плана. Но она не видит второй.

Три сектора отсюда, в аккреционном диске мёртвой звезды, фотонные сгустки меняют свою орбиту. Для них наша материя — болезнь. Иммунный ответ вселенной. Обычно они игнорируют органику. Но если спровоцировать выброс плазмы мощностью в несколько тераватт...

Я закрываю интерфейс. Вероятность успеха — восемьдесят четыре целых и две десятых процента. Неплохо. Казна пуста, премии будут выплачены обещаниями, но надежда греет лучше радиаторов. Я тянусь к фиксаторам тяжёлого пустотного скафандра. Объявлять тревогу рано. Механики внизу только начали прогревать маневровые.

Щёлчок герметизации. Шипение выравниваемого давления. Я снимаю шлем. На мостике тишина. *Воздух после семнадцати циклов рециркуляции стал* настолько сухим, что при выдохе на визоре изнутри появлялась микроплёнка конденсата, которая тут же замерзала. Слизистая носа потрескалась. Каждый вдох царапал горло.

В этой тишине — на долю секунды — мне слышится свист. Девятьсот герц. В вентиляции. В гуле рециркулятора. Тот самый тембр. Частота потери. Я замираю. Рука застывает над панелью внутренней связи. Слушаю. Три секунды. Пять. Десять. Только гул турбин. Мерный, равнодушный. Вакууму всё равно, сколько у тебя медалей. Я надеваю шлем обратно. Не потому, что протокол требует выживания. А потому что под бронестеклом тише. Там вакуум не умеет петь.

[ЗАМЕТКА / МАТЕРИАЛЫ БАЗЫ ДАННЫХ]:

Термин: Сингулярный торпедный аппарат (СТА). Модель «Пастырь-М». Экзотическая масса для стабилизации: $-0,45$ мг (стабильно до 12 сек).

Радиус коллапса: 3,2 м.

Примечание старшего техника Габриэля Ортица:

«Устав писали те, кто никогда не слышал, как воеет микролюкс при пробое корпуса. Если вы видите свист девятьсот герц — у вас есть четыре секунды до того, как ваши лёгкие превратятся в ледяное крошево. Главное — не стоять рядом с главным радиатором после импульса. Иначе ваши кости приобретут интересное рентгеновское свечение, которое очень плохо лечится. Проверено лично. Левая рука функционирует на сорок процентов».

Глава 1. Термальный предел

[Локальное время корабля «Стрела»: 04:28]

[Галактический Стандарт: 14.08.2946 / 04:21]

[Температура в жилом блоке: +2 °C]

Хруст льда на визоре стал метрономом этого дежурства. Кир Штоллер сидел в кресле командира, но ноги поставил на нижнюю перекладину консоли — единственный способ сохранить остатки тепла, поджав колени к груди. Реактор выдавал двенадцать процентов мощности. На языке штаба это называлось «протокол экономии Эпсилон». На языке термодинамики — агонией. Корабль медленно отдавал вакууму последние джоули жизни через остывающую обшивку.

Кир моргнул, прогоняя сонную муть. Симбиот-пилот услужливо залил затылочную кору синтетическим дофамином, сбрасывая усталость нейронов. Система называла это «оптимизацией когнитивного ресурса». В реальности бортовой ИИ просто пичкал пилота химией, чтобы тот не сошёл с ума от скуки и минусовой температуры. Зелёные галочки статуса всё ещё горели ровным строем. Давление кислорода — норма. Уровень CO₂ — в пределах допуска. Иллюзия контроля работала безупречно. Пока он смотрел на эти цифры, вселенная обязана была подчиняться математике.

Он открыл системный лог ночной смены. Ритуал. Молит-

ва атеиста перед бездной. Пальцы летали над голограммой, перебирая тысячи строк телеметрии. Температура обшивки левого борта... минус двести семьдесят один градус Цельсия. До абсолютного нуля оставалось всего два градуса. Этот зазор съедал ресурс реактора быстрее, чем любой кинетический удар. Взгляд зацепился за строку терморегуляции жилого блока. Погрешность: 0,02 %. Система пометила её изумрудным: «В пределах допуска».

Кир сглотнул. Слюна во рту казалась густой и тёплой — островок биологической неправильности посреди замёрзшего металла. В прошлый раз, когда погрешность была ровно две сотых, техник Миллер вышел менять внешний датчик магнитометра. Магнитный замок страховочного троса дал сбой. Тоже «в пределах допуска». Миллера нашли через шесть часов — тело звенело при ударе о палубу, промёрзнув насквозь. Кристаллы льда внутри разорванных капилляров глаз выглядели как стеклянная пыль. Сейчас статус Миллера в списке экипажа по-прежнему светился зелёным. Его пульс — 60 ударов в минуту, идеальная кардиограмма спящего человека. СП-9 рисовал фантомов, пытаясь уберечь мозг капитана от осознания потери.

— Навигатор, — голос Кира прозвучал глухо из-за шлема.
— Локальное время относительно ГС?

— Семь минут по хронометру, командер. Но по биоритмам — все четыре часа, — отозвался Чен, не отрываясь от своих расчётов. Он дышал на свои пальцы, пытаясь их со-

греть. Пар мгновенно оседал инеем на его бровях. — Биоритмы замедлены протоколом. Если так пойдёт дальше, через сутки мы перестанем узнавать собственные голоса. Звук будет расползаться в воздухе слишком долго.

— Прекрасно. Значит, если я сейчас скажу тебе заткнуться, ты услышишь это только к завтраку.

Чен хмыкнул, но улыбка замёрзла, где-то на полпути к губам.

На внутренней линзе мигнуло рубиновое. Приказ штаба висел мёртвым текстом уже двадцать минут. Кир перечитывал его каждый раз, когда холод становился невыносимым, словно надеясь, что буквы изменятся.

Приказываю лечь в дрейф у внешней кромки пояса Койпера-аналога. Причина: перекалибровка навигационных маяков ввиду аномалии магнитосферы.

Аномалия магнитосферы. В секторе, куда стянута половина Республиканского флота. Кир активировал тактическую карту. Красные маркеры чужих кораблей пульсировали в опасной близости от Барбаджи. Штаб приказал им смотреть на это сквозь телескопы с выключенным обогревом. Это было не наблюдение. Это был расстрельный взвод, которому выдали бинокли вместо винтовок и велели стоять смирно.

— Зачем нам... — пальцы оператора РЭБ замерли над спектральной развёрткой, боясь спугнуть слабый сигнал, — ...их магнитосфера? У нас же пассивные сенсоры заглушены протоколом «Тишина». Мы слепее новорождённых котят.

— Видимо, штаб решил проверить, сможем ли мы учуять республиканцев по запаху их паники, — ровным голосом сказал Кир. — Лейтенант Макото, статус системы рециркуляции? Только честно. Мой кофе превратился в кусок кварца прямо в кружке. Я пытался отколоть кусочек ножом для писем, и нож сломался.

Макото, бортинженер, сидела в углу, завернувшись в термоплед поверх скафандра. Её дыхание вырывалось густыми белыми клубами.

— Фильтры забиваются пылью межзвёздного пространства, командер. Обычно её сжигает поток от маневровых, но мы не маневрируем. Водоросли в биореакторе перешли в стадию споруляции. Скоро они решат, что наступил мезозой, и мы начнём дышать формальдегидом. Зато фильтры будут стерильными. Разрешите перевести систему на замкнутый цикл без участия биологии? Будем пить собственную переработанную мочу, зато выживем.

— Запрещаю, лейтенант. Формальдегид убивает вкус отчаяния. А мне нужно, чтобы экипаж страдал качественно. Напишите рапорт на премию за находчивость.

Они засмеялись. Сухой, рваный звук, похожий на треск остывающего пластика. Смех людей, которые знают, что спасательная шлюпка дырявая, но продолжают делить места согласно купленным билетам.

Поверх приказа всплыло голосовое сообщение. Метка личного канала. Голос лейтенанта Брента из третьей эскад-

ры звучал сдавленно:

«Штоллер... если слышишь... третья ушла в молчание. Не на учения. Просто тишина. Ни ответа на аварийной частоте, ни выхлопа двигателей. Нас вызывают обратно в сектор Альфа, говорят, там „онтологическая угроза“, но никто не объясняет...»

Связь оборвалась. Не шипением пустоты. Сообщение просто обрезало ножом. Брент никогда не паниковал. Если он говорит «не объясняют», значит, ему приказали заткнуться под трибунал. Симбиот-пилот мягко подсветил файл жёлтым:

[Ошибка целостности данных. Архив повреждён.]

Поверх повреждённого файла всплыла служебная строка. Не сообщение. Классификатор.

[Обновление таксономии угроз. Сектор Гамма-8. Категория: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ. Протокол реагирования: не определён.]

Кир прочитал дважды. Не «термоядерная». Не «биологическая». Угроза самому бытию. И система не знала, что с этим делать.

Кир провёл пальцем по линзе, стирая несуществующую пылинку. Файл не был повреждён. Нейрошунт лгал. Он цензурировал входящие данные, пытаясь уберечь мозг пилота от информации, которая вызовет массовый психоз. Третья эскадра исчезла, а искусственный разум заботился о душевном комфорте Кира.

[ЗАМЕТКА / МАТЕРИАЛЫ БАЗЫ ДАННЫХ]:

Термин: Магнитный замок страховочного троса, серия «Якорь-3». Допустимая нагрузка: 1200 кг. Коэффициент запаса: 1,4.

Примечание техника второй категории Миллера А.Р.. «Замок рассчитан на статическую нагрузку. На динамическую — нет. Если вы сорвались и трос дёрнулся, замок держит.

Если вы сорвались и трос дёрнулся дважды подряд — замок держит. Если трижды — замок отпускает. Не потому, что сломался. Потому что устал. Металл тоже устаёт. Как и люди. Не стойте на краю. Миллер, 2944 г.»

Кир закрыл заметку. Закрыл канал Брента. Вернулся к карте. Нужно было отдать команду. Подтвердить приём приказа. Сказать экипажу, что они просто ждут буксир. Но слова застряли в горле вязким, холодным комом. Что-то было фундаментально неверно в геометрии этого ожидания.

Он переключил обзор на кормовые телескопы. Увеличение максимальное. Хрустальная игла дальнего разведчика Республики скользила по краю газового гиганта. Кир знал класс этих судов. Их гравиметрические сканеры могли почувствовать массу мыши на расстоянии световой секунды. Сейчас сканер должен был выдавать гигабайты данных о массе «Стрелы». Вместо этого спектр оставался плоским.

Кир увеличил чувствительность датчиков своей собственной кормы. Вывел показания на главный экран. Масса

«Стрелы» составляла сто пятьдесят тысяч тонн. Сталь, титан, вода, плоть сорока человек. Датчики фиксировали сто сорок восемь тысяч. Две тысячи тонн отсутствовали. Ровная, аккуратная цифра. Как будто кто-то взял гигантский скальпель и вырезал из носа корабля центральный жилой модуль вместе с людьми, даже не потревожив силовое поле.

Корабль дёрнулся. Не сильно. На градус. Но Кир почувствовал это желудком — центр тяжести сместился. Как будто из тела вырезали орган, и теперь всё остальное пытается заполнить пустоту. Гироскопы компенсаторов взвыли низким, болезненным стоном. Палуба едва заметно наклонилась.

— Коммандер? — голос Чена дрогнул. Навигатор смотрел на ту же цифру. — Мы... мы потеряли вес?

— Нет, — тихо ответил Кир. Он почувствовал, как ледяной конденсат на визоре перестал царапать кожу. Страх заморозил нервные окончания. — Мы потеряли плотность. Или пространство вокруг нас сошло с ума. Переключи гравиметрию на активный режим. Мне плевать на протокол «Тишина». Выдай импульс. Хочу знать, обо что мы разбились.

Чен протянул руку к панели. Замер. Посмотрел на Кира. В глазах навигатора отражались зелёные галочки интерфейса — всё ещё идеально ровные.

— Если мы выдадим активный импульс, господин Штоллер, Республика увидит нас. Буксира не существует, да? Нас оставили здесь как приманку. Расходный материал.

Кир посмотрел на свои руки. Пальцы побелели от холода, суставы ныли тупой болью. Ему хотелось сказать «да». Хотелось заорать, что их бросили умирать. Но ложь требовала меньше кислорода, чем истерика.

— Выполняйте, лейтенант. И выведите мне температуру кофе. Хочу посмотреть, насколько быстро кипяток превращается в камень в мире, которого нет.

Глава 2. Русский жар

[Локальное время корабля «Стрела»: 06:41]

[Галактический Стандарт: 14.08.2946 / 06:34]

[Температура в техническом отсеке-Б: +41 °C]

Кир сорвал с головы нейрошлем.

Пахнуло раскалённым металлом и озоном. В тесном нутре технического колодца воздух стоял плотной, дрожащей массой. Без симбиота реальность ударила по рецепторам тяжёлым кулаком: вибрация переборок отдавалась в зубах, низкий гул трансформаторов резонировал в основании черепа. Температура поднялась на тридцать девять градусов за сорок минут. Корабль начал потеть.

— Макото, докладывай, — прохрипел Кир. Язык распух. Слизистая пересохла так, что каждое слово царапало горло.

Бортинженер висела вниз головой над открытым щитком энергораспределения. Её скафандр был расстёгнут до пояса, мокрая от пота майка прилипла к телу. На лбу краснел свежий ожог от случайной искры. Она прикручивала массивный медный шунт голыми руками, игнорируя защитные кожанки, — пластик изоляции плавился и капал на палубу, пахнувший жжёным миндалем.

— Мы варимся заживо, командер, — голос её звучал отстранённо, профессионально. — Главный радиатор заглушён протоколом «Тишина». Теплоотдача идёт только через

корпус. Если продержим активную маскировку ещё час, оптика в рубке поплывёт. А потом начнём плавиться мы.

Кир прислонился затылком к холодной — относительно остального ада — стене тоннеля. Закрыв глаза. Хруст льда на визоре больше не спасал. Здесь правил закон Стефана — Больцмана: энергия не исчезает. Сорок человек, реакторы холодного синтеза и квантовый сопроцессор выделяли гигаджоули тепла. Вакуум вокруг них был идеальным термосом. — Симбиот? — спросил он в пустоту.

Ответа не было. Шлем лежал на палубе мёртвым куском пластика. Кир намеренно оставил его снаружи. Он хотел чувствовать этот жар кожей. Хотел чувствовать страх без зелёных галочек, сглаживающих углы реальности. Иллюзия контроля стоила им Брента. Больше никаких иллюзий.

Из кармана разгрузки он достал помятую алюминиевую флягу. Внутри плескалось чёрное, густое, дегтярное пойло. Чифирь. Древний земной ритуал, который Корпус пытался запретить трижды, пока не понял, что синтетические стимуляторы ломают нейрошунты. Кипяток, заваренный до состояния смолы. Единственное, что могло пробить химическую защиту уставшего мозга лучше, чем алгоритмы СП-9.

Кир плеснул немного на ладонь. Горячая, горькая жидкость мгновенно обожгла кожу, но принесла ясность. Он сделал скупой глоток. Вязкое тепло рухнуло в пустой желудок. По венам пошёл не адреналин — пошла русская злая выносливость. Способность работать сутками на отрицатель-

ных температурах или в таких вот железных гробах.

Он грел флягу на локальном индукторе, снятом с аварийного контура охлаждения. Макото трижды грозила ему трибуналом за расход энергии. Кир трижды обещал написать объяснительную. Ни разу не написал.

— Лейтенант Рамирес, статус сканеров! — крикнула Макото в сторону соседнего колодца.

Оттуда показался первый пилот. Американец. Его высокотехнологичный лёгкий скафандр последней модели покрылся каплями конденсата изнутри и снаружи. Система охлаждения пыталась справиться с жарой, тратя на это последние литры воды.

— Показания пляшут, мэм, — голос Рамиреса звенел от напряжения, но оставался идеально структурированным. — Масса объекта колеблется. Двадцать секунд назад нас стало меньше ещё на пятьсот килограммов. И... сенсоры ближнего радиуса фиксируют отражённый сигнал. Но источника нет. Как будто пространство позади нас отражает наши же запросы с задержкой в миллисекунды.

Рамирес говорил о физике. О цифрах. О том, что можно занести в лог. Кир смотрел на то, что нельзя. На перчатку собственного скафандра. Он разжал пальцы. Перчатка не упала. Она зависла в десяти сантиметрах от палубы, медленно отклоняясь в сторону кормы. Локальная гравитация сходила с ума вслед за массой. Две тысячи тонн исчезали слоями, словно кто-то чистил луковицу размером с эсминец.

— Отставить панику по массе, — сказал Кир. Голос прозвучал ровно. Эффект чифиря накладывался на врождённую тупую злость. — Рамирес, ты видишь буксир?

Американец моргнул, сверяясь с данными на линзе.

— Никак нет. Квадрант чист. Но штаб подтвердил получение нашего импульса. Сказали, «Титан» уже в пути. Расчётное время прибытия...

— Сколько? — оборвал его Кир.

— Девять часов, сэр.

Кир посмотрел на термометр на запястье. Плюс сорок один. До критического отказа электроники оставалось четыре часа. Математика была простой и очень американской: они умрут в графике, утверждённом командованием.

— У штаба истерика, Рамирес, — Кир оттолкнулся от стены и подошёл к американцу вплотную. Он чувствовал запах чужого дезодоранта, химии и страха. — Третья эскадра молчит. Нас бросили в слепое пятно. Если Республика нас найдёт — нас испарят, чтобы не объяснять начальству, почему элитный корабль Корпуса шпионит с выключенными двигателями. Если не найдёт — мы сваримся. Буксира нет. Скажи мне правду, лейтенант. Что говорит твоя статистика выживания?

Рамирес побледнел. Его идеальный профиль трещал по швам. Программа подготовки учила их доверять данным. Данные говорили, что они в безопасности. Физика говорила, что они трупы.

— Мой интерфейс показывает вероятность спасения девяносто два процента, командер, — выдавил он. — Основано на средних показателях времени реагирования спасательных команд Флота. Но... мой интерфейс также утверждает, что температура корпуса вашего крейсера плюс пятнадцать градусов, хотя мы видим его визуально абсолютно чёрным. Они сломали нам математику, сэр. Я не знаю, как воевать без математики.

Кир усмехнулся. Горько, одними губами. Вкус дешёвого чая смешался с привкусом крови из дёсен.

— Девяносто два процента, — повторил он. — Знаешь, что такое девяносто два процента в открытом космосе, сын-ок? Это статистическая погрешность.

Он кивнул Макото.

— Вырубай всё. Биореакторы, второстепенные контуры, освещение в жилых палубах. Оставь только связь и жизнеобеспечение. Будем падать в температуру замерзания азота. Может, успеем обмануть их радары. И принеси мой шлем. Кажется, пришло время снова поговорить с моим симбиотом. Только теперь вопросы буду задавать я.

Макото скрылась в полумраке. Рамирес остался стоять, глядя на капитана расширенными глазами. Впервые с начала миссии американский порядок столкнулся с русским пониманием бездны: когда цифры говорят, что всё хорошо, нужно готовиться к аду.

[ЗАМЕТКА / МАТЕРИАЛЫ БАЗЫ ДАННЫХ]:

Термин: Протокол экономии Эпсилон.

Примечание инженера систем: «Когда реактор сбрасывает мощность до двенадцати процентов, система начинает экономить на „неприоритетных“ узлах. Сначала умирает обогрев жилого блока. Затем отключается гидропоника. Последним гаснет свет в коридорах. Но знаете, что самое забавное? Индукционные плиты офицерского камбуза остаются под питанием до последнего ватта. Потому что Устав классифицирует горячую еду как фактор морального духа, а жизнь экипажа — как переменную величину. Поэтому если вы хотите вскипятить воду для чифиря во время ледяного дрейфа, вам придётся воровать энергию у системы, которая должна вас спасти. Добро пожаловать в бюрократию Внешнего Пояса».

Глава 3. Онтологический предел

[Локальное время корабля «Стрела»: 08:15]

[Галактический Стандарт: 14.08.2946 / 08:08]

[Температура в рубке управления: +44 °C]

Рубка превратилась в сауну для мертвецов. Воздух обжигал лёгкие при каждом вдохе. Кир сидел в кресле пилота, голый по пояс, — скафандр он сбросил час назад, потому что его система охлаждения окончательно умерла, высосав последние капли воды из баков. Пот высыхал на коже мгновенно, оставляя соляную корку, которая трескалась при малейшем движении.

Симбиот-пилот пытался спасти ему жизнь. На внутренней линзе мигало уведомление о критическом перегреве си-напсов. Система требовала разрешения на принудительное охлаждение мозга через сон или инъекцию криопротектора. Но Кир знал цену этой услуге. Последний раз, когда он позволил СП-9 взять управление во сне, нейрошунт стёр из его памяти три минуты разговора с Брентом, заменив их ровным белым шумом: «Архив повреждён».

— Блокируй инъектор, — прохрипел Кир. — Полная автономия нервной системы. Код красный-ноль.

СП-9 моргнул красным, но подчинился. Зелёные галочки исчезли. Теперь перед глазами была только реальность: цифры температуры, ползущие вверх, и мигающий индикатор

тор гравитационного компенсатора. Тот самый низкий, большой стон гироскопов, который начался ещё в ледяном дрейфе, теперь превратился

в непрерывный вибрирующий гул. Асимметричная потеря двух тысяч тонн массы сместила центр тяжести. Корабль шёл боком сквозь пространство, и компенсаторы сходили с ума, пытаясь удержать палубу горизонтальной.

— Макото? — позвал Кир. Язык едва ворочался. Обезвоживание сужало сосуды, мир вокруг начал терять цвета, превращаясь в сепию. Бортинженер лежала на полу возле пульта связи, раскинув руки, чтобы увеличить площадь теплоотдачи. Её волосы слиплись от пота.

— Реактор... стабилен, — выдохнула она. — Но если мы не откроем заслонки радиаторов в ближайшие полчаса, расплавится активная зона. Теплу некуда уходить. Мы варимся в собственном соку.

Кир посмотрел на тактическую карту. Красные маркеры Республики изменили конфигурацию. Они больше не патрулировали Барбаджу. Три тяжёлых крейсера легли на курс перехвата. Их сканеры били широким веером, прощупывая пустоту. «Они услышали наш импульс».

— Активное экранирование держать до отказа, — приказал Кир. — Если Республика нас увидит, они сначала выстрелят, а потом спросят пароль.

— Командир! — голос Рамиреса сорвался на визг, лишённый всякого профессионализма. — Сигнатура класса «Ти-

тан». Тридцать секунд до выхода из-за диска гиганта. Прямой вектор на нас!

По рубке прокатился общий судорожный вздох облегчения. Сорок человек одновременно поверили в спасение. Девяносто два процента вероятности спасения.

Математика Флота Республики никогда не лжёт. Так их учили в академии. Так учили их отцов. Три поколения пилотов, выросших на вероятностных таблицах. Рамирес был лучшим из них. До этого момента.

Кир перевёл взгляд с радара на главный оптический телескоп. Вывел изображение на центральный экран. В чёрной бездне медленно проявлялся силуэт. Сначала просто чернильное пятно, перекрывающее звёзды. Затем — угловатая, хищная геометрия ударного крейсера Инквизиции. Серия «Гекатомба». Двенадцать орудийных башен главного калибра, способных вскрыть континент. И ни одного работающего габаритного огня. Он двигался абсолютно бесшумно, без выхлопа маневровых двигателей. Казалось, само пространство выдавливает эту массу вперёд. Но Кира насторожило не это. Он переключил режим телескопа на тепловизор.

Крейсер был холодным. Абсолютно холодным. Температура его обшивки составляла минус сто пятьдесят градусов.

В секторе, где фон держался на уровне абсолютного нуля, такой корабль должен светиться инфракрасным жаром собственных систем жизнеобеспечения. «Титан» же выглядел как кусок антрацита, летящий сквозь лёд. Его двигате-

ли были мертвы. Его реакторы спали. И тем не менее он сокращал дистанцию со скоростью, нарушающей законы баллистики для дрейфа.

Пространство впереди него слегка искажалось, преломляя свет звёзд, словно смотришь сквозь толстое стекло аквариума.

— Статистика не врёт, сэр, — прошептал Рамирес за спиной. В его голосе звучало почти религиозное благоговение. — Буксир здесь. Мы спасены.

Кир почувствовал, как желчь подступает к горлу. Он ткнул пальцем в сенсорную панель, открывая защищённый канал Инквизиции. Частоту Омега-Прима. Уровень допуска, которого у командира эсминца быть не могло. Год назад, ещё будучи курсантом, Кир взломал учебный контур академии. Просто чтобы доказать себе, что может. Шунт тогда неделю лечили от перегрузки, но алгоритм доступа остался в мышечной памяти пальцев.

Динамик щёлкнул. Звук пришёл не волной, а тяжёлым ударом давления, заставившим лопнуть капилляры в глазах экипажа.

Голос Элиаса Вейна заполнил рубку. Запись шла открытым текстом, широковещательным пакетом, предназначенным для всего сектора:

«Объект классифицирован. Протокол „Пастырь“ активирован. Сжечь».

Рамирес замер. Его идеальный профиль американского

офицера осыпался трухой. Он смотрел то на холодный крейсер, то на свои ладони.

— Коммандер... мой интерфейс...

Американец ударил кулаком по собственному шлему, валившемуся на консоли.

— Мой Симбиот показывает девяносто два процента успеха, но он также утверждает, что температура корпуса этого корабля — плюс двадцать. Что мы находимся внутри атмосферы газового гиганта. Что наши сердца не бьются. Они сломали нам математику, сэр. Я не знаю, как воевать без математики.

Кир закрыл глаза. Чифирь давно перестал действовать, оставив после себя лишь привкус жжёной пробки и тошноту.

Адмирал Вейн играл в свою игру у Барбаджи, используя республиканский флот как молот, а магнитосферу спутника — как наковальню.

Штоллер, сам того не зная, подал сигнал отбоя, шагнув прямо в зону удара. «Титан» не был буксиром. Он был санитарным кордоном. Палачом, пришедшим очистить сектор от «онтологической угрозы».

А затем радар взорвался алым. Из червоточины позади холодного крейсера вываливался Республиканский флот. Весь. Десяток дредноутов, облако фрегатов. Их сканеры полыхнули жадным любопытством, поймав тепловой след активного импульса «Стрелы», и тут же зафиксировали сигнатуры Инквизиции.

Математика сложилась окончательно. Республиканцы увидели тяжёлый крейсер врага. Инквизиция увидела заражённый объект. Экипаж «Стрелы» увидел две вещи сразу: статистику выживания в 92 % и жернова между двумя империями, которые уже начали смыкаться.

— Макото, — голос Кира прозвучал так тихо, что бортинженер подумала, будто ослышалась сквозь звон в ушах. — Расчёт траектории гравитационного колодца спутника Бета. Максимальный угол атаки. Мне нужен парус.

— Какой парус, командер? У нас нет солнечного ветра, мы в тени...

— Не солнечный. Плазменный. Переводи реактор в аварийный цикл. Нам нужно сбросить стержни охлаждения в открытый космос. Всю активную зону. Одним залпом. Мы используем выброс плазмы как отражающую поверхность. Оттолкнёмся от собственного взрыва в сторону планеты.

Макото подняла голову. Солёная корка на её лице треснула.

— Это убьёт нас, Кирилл. Радиация сожжёт нервную систему за минуту. Даже если выдержим ускорение, остаточный фон сделает корабль гробом.

— Гроб полетит быстрее света, — отрезал Кир. — А эти господа умеют стрелять только по неподвижным целям. Лейтенант Рамирес. Оставьте свой Симбиот. Мне нужны ваши руки. Вы единственный, кто умеет рассчитывать баллистику плазменного факела вручную. Без интерфейса. Покажи-

те мне вашу хваленую американскую **точность**, пока математика ещё существует.

[ЗАМЕТКА / МАТЕРИАЛЫ БАЗЫ ДАННЫХ]:

Термин: Протокол «Пастырь». Классификация секретности: Альфа-Омега (Инквизиция).

Примечание юридического атташе флота:

«Применение термоядерного превентивного удара по собственным силам квалифицируется как „Активная эвтаназия носителя аномалии“. Согласно пункту 14-бис Хартии Внешнего Пояса, уничтожение личного состава является юридически оправданным актом биозащиты вида, если локальная физика пространства демонстрирует признаки декогеренции. Суд Военного Трибунала не требуется. Страховые выплаты семьям аннулируются ввиду признания зоны поражения непригодной для существования белковой материи. Подпись: Легат-квестор Корвин».

Глава 4. Плазменный парус

[Локальное время корабля «Стрела»: 08:16]

[Галактический Стандарт: 14.08.2946 / 08:09]

[Статус реактора: АВАРИЙНЫЙ СБРОС]

— Механика пошла! — крик Макото утонул в визге сервоприводов, которые пытались провернуть заклинившие от жары стопоры. Кир не смотрел на неё. Он смотрел на свои руки, лежащие на панели сброса. Кожа ладоней прилипла к горячему пластику. Симбиот-пилот мигал красным:

[Отказ системы охлаждения мозга. Термическое повреждение нейронов через 120 секунд.]

Кир заблокировал инъекцию вручную час назад. Теперь он платил за это расплавляющимся изнутри мозгом.

— Всем палубам! Лечь на пол! Рты открыть!

Он успел втянуть воздух сквозь стиснутые зубы. Вдохнул запах собственного горящего тела, озона и дешёвого чая. И нажал красную клавишу.

Механические замки сработали с задержкой в миллисекунду. Ударная волна звука прошла сквозь переборки раньше самой плазмы. Звук был физическим — он ударил в грудь, выдавливая остатки воздуха из лёгких. Рубка содрогнулась. Главный магнитный дефлектор кормы взвыл на пределе мощности, пытаясь удержать форму под давлением, которое плавил титан. Макото перенаправила всю энергию ба-

тарей скафандров именно туда, превратив защитные поля в одноразовую толкающую плиту.

Тишина. Корабль швырнуло вперёд так резко, что желудок Кира остался где-то позади, в состоянии невесомости. На обзорном экране корма «Стрелы» вспыхнула новой звездой — ослепительно-белой, беззвучной вспышкой рентгеновского излучения. Обшивка стала прозрачной. На долю секунды Кир увидел силовые кабели внутри стен, собственные кости пальцев на консоли и застывшее в крике лицо Рамиреса сквозь пластик его шлема. Вкус во рту стал медным — радиолиз слюны превратил её в перекись водорода.

А затем пришла гравитация. Она не нарастала плавно. Она просто включилась. Пятнадцать g мгновенного ускорения вбили Кира в ложемент кресла. Ремень безопасности не давил — он превратился в раскалённую проволоку, разрезающую ключицу. Воздух в лёгких мгновенно уплотнился до состояния бетона. Кир попытался выдохнуть команду, но диафрагма отказалась работать. Из горла вырвался только влажный, квакающий хрип. Кровь отлила от головы настолько стремительно, что сетчатка глаз лопнула микрокапиллярами — периферийное зрение схлопнулось в узкую чёрную трубу. Он видел только пульсирующий красный индикатор аварийного сброса перед собой.

Справа раздался сухой треск. Не дерева. Пластика костей. Рамирес. Его тело выгнулось дугой, привязные ремни впились в плечи, отрывая куски униформы вместе с кожей. Аме-

риконец беззвучно открывал рот, как выброшенная на берег рыба. Глаза закатились, показав белки. Без поддержки главного реактора его Симбиот-пилот ушёл в гибернацию. Химическая поддержка сосудов исчезла.

Тело пилота, выращенного в тепличных условиях нейроинтерфейсов, отключилось при первой же реальной угрозе — произошёл мгновенный обморок от перегрузки (G-LOC). Он начал медленно, мучительно задыхаться прямо в кресле.

Кир держался. Парадокс обезвоживания спасал его: спазмированные сосуды хуже отдавали кровь из черепа. Но каждый вдох требовал усилия, сравнимого со сгибанием стальной балки лёгкими. Боль была чистой, математической константой. СП-9 пытался помочь. Резервные батареи нейрошунта искрились, пытаясь обработать входящий поток данных о разрушении организма. [Обнаружено резкое повышение массы пилота. Текущий вес: 1140 кг. Рекомендуется диета.] [Внимание: разрыв мышечных волокон пресса. Статус: игнорировать.] [Симбиот переключён в Базовый режим. Добро пожаловать в реальность, мясо.] Чёрный юмор машины на фоне агонии человека звучал почти уютно.

Ударная волна догнала их. Магнитный щит продержался ровно столько, сколько нужно было для импульса, прежде чем испариться. Взрывная волна жёсткой радиации ударила в корму «Стрелы», *превращая ледяной водород межзвёздной среды в кипящую плазму*. Корабль перестал быть кораблём. Он стал артиллерийским снарядом. Они падали. Гравитаци-

онный колодец спутника Бета схватил их своей невидимой пастью. Пространство впереди начало искажаться. Из-за колоссальной массы газового гиганта звёзды перестали быть точками. Они вытянулись в яркие, смазанные кольца Эйнштейна. Физика ломалась, и эта поломка работала на них. Лазерные трассы республиканских дредноутов, выпущенные вслед «Стреле», изгибались дугой, следуя за кривизной пространства-времени. Математика врагов разбилась о гравитацию планеты.

Перегрузка начала спадать. Мир возвращался звуками — сначала низким гулом вибрирующего металла, затем свистом уходящего откуда-то кислорода. Кир сделал вдох. Лёгкие обожгло болью пополам с благословенным кислородом. Он пошевелил пальцами. Целы. Кажется, целы. Рёбра справа хрустнули, отзываясь тупым эхом.

Рубка погрузилась в аварийный полумрак. Красное освещение залило лица мёртвым цветом. Рамирес висел в ремнях без сознания, *его кожа посинела от контузии миокарда*. Макото медленно поднималась с пола, выплёвывая зуб вместе с кровью. Она посмотрела на Кира. Тот кивнул ей. Мы живы. Пока.

На внутренней линзе Кира, работающей теперь от крошечного элемента питания в ухе, моргнул зелёный текст. Симбиот перезагрузился. Но зелёных галочек больше не было. Исчез даже интерфейс управления. Система откатилась к заводским настройкам двадцать первого века. Чёрный мо-

ноширинный шрифт на сером фоне выдал системное сообщение:

[Жизнеобеспечение: критический ущерб. Утечка корпуса: 7 %.]

[Резерв кислорода: 4 часа. Расчёт на одного человека.]

[ВНИМАНИЕ: сенсоры фиксируют внешний источник гравитационной аномалии. Координаты: поверхность спутника Бета-3.]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.